

Теоретические основания изучения социального взаимодействия

Изучение общества и культуры предполагает понимание их динамики – движущих сил, механизмов, форм происходящих здесь процессов. Для этого важно выделить то аналитическое пространство, в пределах которого изменчивость становится максимально доступной наблюдению. В самом общем виде имеет смысл говорить о социокультурной реальности, понимаемой как порождение совместного существования людей. С точки зрения содержания она может быть представлена в трех фундаментальных измерениях:

- *вещественное* – имеются в виду природные объекты, так или иначе включенные в совместную жизнь людей в качестве элементов окружения, условий существования, материалов; искусственные, созданные людьми вещи – предметы пользования, сооружения, инструменты;
- *социальное* – речь идет об отношениях между людьми, технологиях, формах, структурах современной активности, содержании социальных обменов и т. п.; о позициях и ролях индивидов, о функциях, выполняемых ими в контексте этих отношений, дистанциях между ними с точки зрения возможности эффективного взаимодействия;
- *символическое* – выделяются идеациональный уровень связей людей с окружением, заместители вещественных объектов и социальных отношений, выраженные в знаковой и символической форме – языке, экстралингвистических формах (мимика, жесты, проксемика, интонирование и т. п.), иконических изображениях и т. п.

Практически все феномены, относящиеся к социокультурной реальности, характеризуются этими тремя измерениями одновременно, но их изменчивость следует анализировать по каждому в отдельности, чтобы определить, что именно меняется. Однако в большинстве исследований такое разделение не осуществляется. Более того, не уделяется внимания тому, что изготовление и использование вещей и оперирование символами предполагает совершенно разные уровни, формы и процедуры активности. Соответственно в рассуждениях на эту тему не принято проводить различия между взаимодействием, совместными действиями людей и коммуникаций, обменом информацией между ними. Результатом этого нередко становится отождествление того, что люди говорят, с тем, что они делают. В то же время совершенно очевидно, что это не одно и то же, и существующие в этой области расхождения и различия требуют специального изучения, в том числе в качестве источника социокультурной изменчивости.

Разумеется, динамика общества и культуры активно изучается в социальных науках, и здесь накоплен значительный объем соответствующих знаний относительно характера социальных и культурных изменений. Так, эволюционистские теории представляют собой обобщение данных об усложнении социокультурной жизни во времени. Ранние работы в рамках этого направления были посвящены попыткам доказать закономерный характер существования человечества во времени и свести эту закономерность к форме эволюции. В более поздних работах основное внимание стало уделяться выявлению зависимости между локальными условиями жизни людей и степенью сложности и динамизма их социокультурной жизни. Это теоретическое направление связано, прежде всего, с описанием макродинамики общества и культуры и фиксированием их предполагаемых причин и движущих сил. Механизмы эволюционных изменений специально не изучались и тем более не связывались с социальным взаимодействием и коммуникацией. Они сводились к априорно постулируемому принципу естественного отбора, рассматриваемому в качестве универсального двигателя эволюционного процесса.

В рамках структурного функционализма и неофункционализма основным объектом изучения является социальная система в ее идеально-типическом установившемся состоянии. Она описывалась в структурных и функциональных характеристиках, определяющих ее целостность и внутреннюю взаимосвязанность составляющих. На ранних стадиях развития функционализма основной задачей было построение институциональных, нормативных рамок, обеспечивающих воспроизведение социальных действий, направленных на сохранение баланса между удовлетворением индивидуальных нужд и поддержанием целостности системы. Неофункционалисты изучают структурирования действий в процессы, воспроизводящие общественные отношения. В обоих случаях речь идет о гомеостатическом состоянии системы. В этом контексте динамика связывается с нейтрализацией отклонений от институциональных норм или установившихся форм обмена функционально значимыми действиями. Вопрос о механизмах социального взаимодействия и их работе в иных ситуациях, кроме гомеостатических, специально не рассматривался.

Теории конфликта, возникшие в ответ на чрезмерное внимание к устойчивому состоянию социальной системы, были во многом ориентированы на доказательство онтологического статуса этого явления. Речь шла об обновлении его самостоятельной социальной значимости, о том, что он не является просто нежелательной производной, отношением от стабильного состояния системы, считавшегося «нормой». В этом случае базовой категорией оставалось интенциональное действие, и конфликт трактовался через

противонаправленность интенций. Кроме того, основное внимание уделялось способам его предотвращения или нейтрализации, а механизмы конфликтного взаимодействия систематическим образом не изучались.

Таким образом, в рамках основных социально-научных теорий тема изменчивости социокультурной жизни не просто постулировалась, но так или иначе ставились и решались вопросы о ее природе и механизмах. Однако попытки решить вопросы о динамике условий совместного существования людей и их образа жизни с позиций социального действия пока не привели к заметным результатам в понимании социокультурных изменений и процессов. Их объяснения на макроуровне нашли лишь частичное подтверждение; многие вопросы, связанные с формами и причинами динамики современного существования людей до сих пор остаются открытыми. Во многом это объясняется слабой изученностью фундаментальных антропологических механизмов изменчивости социокультурной жизни. Но для их изучения, по-видимому, следует изменить предметную область изучения, по крайней мере, в следующих направлениях перехода:

- от теории действия, центрированной на субъективности как источнике социальных и культурных изменений, к теории взаимодействия, где их причины и последствия трактуются в терминах интерсубъективности;
- от макроуровня рассмотрения социальных и культурных процессов (в историческом времени, в обществе и культуре в целом) к изучению микро-социокультурной динамики (время, соизмеримое с индивидуальным жизненным циклом, пространство межличностных отношений);
- от институционально нормированных отношений между людьми к взаимодействиям, реализующимся «внутри» пространств, ограниченных нормами, и за их пределами;
- от обобщенных понятий социальных и культурных изменений к их рассмотрению в системе координат, образуемой выделенными выше измерениями: вещественными, социальными, символическими.

Такого рода переориентации в современных социальных науках уже наметились. Так, в социологии и антропологии очевиден сдвиг от макро- к микро-анализу социальных и культурных феноменов. В рамках символических и когнитивных теорий предметом анализа становятся до-институциональные формы обмена информацией. Для анализа выделенных здесь измерений социокультурных изменений также имеется определенная теоретическая база. Лучше всего изучено символическое измерение и процессы коммуникации. Определенные плодотворные результаты получены в рамках

вещественного измерения, в частности, в области эргономики, где изучаются отношения «человек–машина». Мало изученным до сих пор остается социальное измерение в аспекте взаимодействия. Для социального взаимодействия пока даже не сложился специальный язык описания.

В этом познавательном контексте задачей исследования становится построение теоретико-методологической модели социального взаимодействия. Одна из возможных исследовательских программ такого построения предлагается в настоящей статье.

Теоретические основания концепции социального взаимодействия

Прежде всего, следует обратить внимание на необходимость развести понятия *взаимодействие* и *коммуникация*. Обычно они не разделяются, и взаимодействие между людьми сводится к обмену информацией, который за вторую половину XX века хорошо изучен. Существует понятие *социальное действие*, которое означает совместную активность людей и подразумевает сложение индивидуальных ее проявлений. Кроме того процессы и результаты интеракции исходно уподобляются индивидуальным, поскольку трактовка групповой и личной активности в терминах общей теории систем с уклоном в ее организационный вариант почти отождествляет оба типа процессов выработки и реализации решений. Однако в этом случае нерешенным остается целый ряд проблем. Так, при повышенном интересе современных антропологов и социологов к теме интенциональности как индивидуальном свойстве остаются без внимания вопросы о механизмах его перехода в коллективные формы и непрерывности или дискретности их действия. Неопределенными остаются представления о природе и строении интерсубъективности как особой предметной области изучения. Наконец, пока сделаны лишь первые шаги в изучении того, чем и как опосредуются интеракционные процессы, в частности, когда и почему взаимопереходы действий и коммуникативных актов осуществляются, а когда – нет.

По-видимому, безуспешность попыток вывести процессы и результаты совместной активности из индивидуальных действий участников и прогнозировать ее последствия предполагает необходимость сменить исходные допущения при трактовке этого явления. И прежде всего следует определить само понятие «социальное взаимодействие», употребляя которое необходимо принимать во внимание:

- совместную активность людей, организованную особым образом в зависимости от социокультурных ситуаций, конвенционально ориентированных на удовлетворение индивидуальных потребностей и / или

поддержание социальной системы, т. е. структуры функционально определенных отношений между ее участниками;

- специальный социальный статус этих ситуаций с характерными для них атрибутами – направленностью, формой организации, технологиями, результатами, критериями оценки; их стандартизованность и разделяемость необходимых для участия в них знаний и навыков;
- их внутреннюю напряженность, обусловленную, во-первых, вынужденностью взаимодействий из-за участия в общественном разделении функций; во-вторых, индивидуальными различиями представлений, неосознанно переносимых из других стандартных ситуаций; в-третьих, необходимостью реагировать на непреднамеренные последствия совместной активности;
- возможность разложить их на обмены действиями между участниками с оценкой эквивалентности и интенсивности таких обменов;
- построение модели социокультурного межиндивидуального либо межгруппового пространства, образуемого динамикой обменных связей и интегральной суммой реакций участников на непреднамеренные последствия современной активности в соотношении с необходимостью поддерживать или модифицировать ситуацию.

Таким образом, социальное взаимодействие можно определить как динамическое состояние социальности, которое зафиксировано в форме стандартных ситуаций, относящихся к установленным областям социокультурного пространства. В их рамках осуществляется совместная активность людей, которую можно описывать через сведение к последовательности обменов и интегрирование их последствий для формы отношений между участниками в ситуации изучаемого класса.

При таком определении социальное взаимодействие можно считать исходной категорией, первичной единицей анализа социокультурной динамики, позволяющей поместить в центр внимания формы и движущие механизмы составляющих ее процессов совместной активности людей. Соответственно речь идет не о конструировании взаимодействия из элементарных действий, а о разложении ситуаций взаимодействия на обмены действиями.

Такая позиция предполагает необходимость ряда исходных допущений, которые в совокупности позволят выйти на описание пространства социального взаимодействия, соответствующих процессов и их результатов и последствий.

Начать следует с достаточно банального положения о социальной природе человека. Его обычно неопределенное содержание в данном случае раскрывается применительно к обоснованию необходимости выделения социального взаимодействия в качестве особой области изучения. Здесь уместно выделить следующие фундаментальные тезисы:

- в предлагаемом теоретическом контексте социальность понимается как вынужденная, неизбежная совместимость существования людей. Согласно экзистенциалистской точки зрения каждый помимо своей воли «заброшен» в мир, созданный другими. Ему приходится по мере сил и возможностей выживать вместе с такими же не выбиравшими места и времени появления на свет. Именно в этом смысле речь идет о вынужденном существовании людей, живущих в один и тот же исторический период и на общей территории;
- дети рождаются беспомощными и долгое время остаются неспособными к самостоятельному жизнеобеспечению. Постепенно они приобретают навыки и знания, необходимые для адаптации в социокультурном окружении только во взаимодействии с взрослыми и под их руководством. В период ранней социализации они осваивают паттерны социального взаимодействия, которые в дальнейшем приумножаются и совершенствуются также в интеракциях с другими;
- люди живут сообществами, в пределах которых происходит разделение функций. Последнее обусловлено тем, что только при такой дифференцированной совместности можно поддерживать жизненное пространство, пригодное для совместного существования. И социальное взаимодействие представляет собой ту среду и характеризуется теми механизмами, которые обеспечивают его устойчивость и изменчивость.

Далее можно выделить антропологически универсальные ситуации, значимые для человеческого существования и невозможные без совместной активности людей. Их можно распределить по фундаментальным категориям, позволяющим теоретически связать индивидуальный и социальный уровни активности.

Во-первых, предлагается обратиться к понятию *образ жизни*, определяемому здесь как распределение фундаментальных ресурсов человеческого существования – времени и энергии – между его базовыми модальностями (жизнеобеспечение, социализация, социальная коммуникация, рекреация). Такое определение очерчивает концептуальную область рассмотрения социокультурной организации активности людей в их ближайшем

окружении. Представление об образе жизни как процессе предполагает выделение в нем двух основных фаз, обозначаемых как рутинные и проблемные ситуации, и дополнительных, характеризующих переходы между ними. Рутинные ситуации поддерживают установившуюся структуру образа жизни, или распределение ресурсов между составляющими его социокультурными модальностями; проблемные – предполагают их перераспределение или затрату дополнительных. Совершенно очевидно, что все составляющие и фазы этого процесса предполагают установление, поддержание, изменение отношений людей друг с другом, т. е. социальные взаимодействия.

Во-вторых, важно определить тот социокультурный контекст, в пределах которого реализуется образ жизни людей. Его следует рассматривать на двух основных уровнях: социетально-институциональные отношения и приватная жизнь. Первому уровню соответствует система общественного разделения труда, и социальные взаимодействия в ее рамках определяются частично функциональными и институциональными связями, а частично – межличностными отношениями. Второй уровень относится к непосредственным контактам людей в пределах первичных групп. Здесь культурно-институциональным ядром социальных отношений обычно называют семью. Считается, что именно здесь находятся прототипы социальных взаимодействий, которые воспроизводятся старшими поколениями и осваиваются младшими. Вокруг этого ядра можно построить ряд концентрических кругов интеракций в соответствии с убыванием частоты и интенсивности межличностных контактов. К ним относятся отношения с родственниками, друзьями, связи с группами по интересам, со знакомыми. Во всех сетевых структурах такого рода реализуются характерные для них формы социальных взаимодействий, которым соответствует своя содержательная наполненность.

В этом теоретическом контексте единицей анализа становится жизненная ситуация в ее трех основных концептуальных модальностях – рутинной, проблемной, переходной. Жизненная ситуация представляет собой точку в социокультурном пространстве, определяемом такими координатами, как институциональное, стратификационное, территориальное измерения. Иными словами, каждая ситуация определяется местом индивида или группы в этом пространстве, образуемом взаимным наложением их социального статуса, принадлежности к социальному слою и качеством места проживания с точки зрения степени урбанизованности. Такому месту соответствуют определенные типичные характеристики образа жизни и составляющих его рутинных и проблемных ситуаций.

Наконец, необходимо определить идеально-типические формы социального взаимодействия, каждая из которых может доминировать в ситуации определенного

класса и влиять на устойчивость или изменение социокультурного контекста, в котором она реализуется. В самом общем виде можно говорить о трех прототипических формах такого рода и о состояниях перехода от одной из них к другой. Эти формы можно условно обозначить как солидарность, конфликт и партнерство. Им соответствуют особые парадигмы социального взаимодействия, в известной мере предопределяющие его направленность и структурирование. Их можно назвать соответственно консолидацией, борьбой и переговорами.

Солидарность строится на принципах согласия и взаимной поддержки участников взаимодействия. Эта модель соответствует хорошо известным представлениям о гомеостатическом состоянии системы, поддерживаемым действием механизмов негативной и позитивной обратной связи. В случае солидарности речь идет о том, что внешние и внутренние помехи взаимодействию минимизируются или подавляются, а все воздействия, укрепляющие солидарность, поддерживаются и усиливаются. Эта форма взаимодействия связана с минимизацией усилий участников, однако она недолговременна, во-первых, из-за индивидуальных различий, которые со временем расшатывают структуры согласия изнутри; во-вторых, из-за динамики внешнего окружения, изменения в котором, не соответствующие принятому консенсусу, игнорируются или отрицаются. Иными словами, устойчивость ситуации, где осуществляется парадигма консолидации, не может продолжаться длительное время и может перейти либо в конфликт, либо в партнерство.

Основу *конфликта* составляют принципы конфронтации и взаимного ослабления позиций, на которых строится взаимодействие. Стороны считают свои цели противоположными и настаивают на несовместимости в контексте ситуации. Каждая из них стремится к экспансии и увеличению объема или, по крайней мере, минимизации потерь собственных ресурсов, к вытеснению за рамки ситуации и ослаблению противника. Затрата усилий, соответствующая этой форме взаимодействия, максимальна по сравнению с остальными. Время ее существования может быть длительным из-за дискретности самого процесса, в ходе которого фазы эскалации, характеризующиеся интенсивной борьбой сторон, сменяются ремиссиями, когда участники взаимодействия расходятся, чтобы возобновить ресурсы. Конфликтное взаимодействие заканчивается в случаях уничтожения одной из сторон или вмешательством посредника, – причем, только в фазе ремиссии, – с целью либо развести стороны, либо начать переговоры и тем самым элиминировать ситуацию.

Партнерство базируется на принципах взаимных компромиссов и договоренностей. Здесь в ходе взаимодействия сходства и различия сторон в отношении

его целей не скрываются, но и не акцентируются специально. Оно по структуре ближе всего к эквивалентному обмену. Каждая сторона готова уступить другой позиции и ресурсы, которые она не считает первостепенными для себя, а что касается ключевых для обеих, то в отношении их использования достигаются договоренности о совместном, но частичном или поочередном использовании. Такая форма взаимодействия трудоемка и порой требует значительных временных затрат. Зато они не наносят ущерба ни одной из сторон и приносят обеим определенную пользу. В то же время структура этого типа взаимодействия недостаточно устойчива и может перейти либо в консолидацию – когда стороны слабы, либо в конфликт – когда одна из них или обе сильны. Ситуация заканчивается, когда стороны достигают окончательных договоренностей, позволяющих им в дальнейшем существовать автономно друг от друга.

Таковы исходные основания изучения интеракции как самостоятельной предметной области исследования. Их можно считать необходимыми для того, чтобы представить социальность в ее интерсубъективном качестве. Их достаточность определяется тем, что в этих рамках процессы взаимодействия могут рассматриваться в социокультурном контексте их реализации с указанием на специфику форм.

Содержание ситуации социального взаимодействия:

адаптационная значимость

Социальное взаимодействие, как уже отмечалось, необходимо в самом общем виде для решения двух значимых для людей задач: объединение усилий и ресурсов для удовлетворения индивидуальных потребностей и для поддержания целостности сообщества, обеспечивающей такую совместность. Соответственно можно говорить о его адаптационной возможности в связи с поддержанием и изменением типичных социокультурных ситуаций как среды для решения этих задач. С этой точки зрения такие ситуации можно разделить на несколько классов: благоприятные, неблагоприятные, неопределенные.

Ситуации, благоприятствующие воспроизведению социокультурных паттернов взаимодействия как способствующих адаптации людей в сложном и динамическом окружении, характеризуются набором специфичных для них показателей. В полном наборе и в отдельных сочетаниях они определяют условия, побуждающие людей вступать во взаимодействие и тем самым воспроизводить ситуации такого рода.

К полному набору показателей ситуаций как адапционно благоприятных относятся те, наличие которых помогает самоутверждению или решению проблем их участников. Важной чертой ситуаций этого класса является полезность. Это означает, что взаимодействие в их рамках либо приносит участникам выгоду, либо помогает избежать

потерь, либо способствует сохранению имеющегося состояния, которое представляется им желательным. Другую характеристику составляет безопасность. Подразумевается, что все это люди совместно получают без риска для себя. Наконец, еще одной их особенностью можно считать доверие. Оно обеспечивает благоприятную атмосферу межличностных отношений благодаря тому, что взаимные ожидания участников заранее установлены или оговорены и не нарушаются.

В то же время возможны ситуации, которые оказываются приемлемыми для участников, даже если в их рамках присутствуют только два из трех перечисленных показателей. Каждое из сочетаний обеспечивает им свои преимущества. Так, безопасность в сочетании с доверием придает ситуации надежность. Иными словами, в ходе взаимодействия участники могут рассчитывать на поддержку и помощь друг другу. Безопасность в этом случае обуславливает отсутствие риска или необходимость объединять ресурсы, а доверие – взаимную ответственность при совершении обменов.

Доверие в сочетании с пользой делает ситуацию удобной для участников. В этом случае им не приходится отказываться от своих интересов и привычек и затрачивать особые усилия на приспособление друг к другу. Доверие предполагает исходное согласие в отношении целей и направленности взаимодействия. Польза гарантирует, что каждый из участников в результате этого типа взаимодействия получит определенные преимущества, которые будут ему недоступны в других ситуациях.

Безопасность в сочетании с пользой обеспечивают ситуации качество благополучия. Речь идет о том, что участники могут достичь желаемых результатов при отсутствии риска. Это позволяет им активизироваться для более быстрого достижения результатов или для экспериментирования с новыми способами действий или формами отношений. Безопасность в данном случае ограждает участников от неблагоприятных внешних воздействий и внутренних напряженностей. Польза же побуждает их к поиску инновационных решений задач, с которыми сталкиваются участники.

Взаимодействия людей в рамках всех этих типов ситуаций поддерживают адаптационные социокультурные паттерны в обществе и способствуют воспроизведению самих ситуаций. Все их показатели актуализируются в наблюдаемых признаках, прежде всего в совершении действий, направленных на разворачивание интеракционного процесса и получение обуславливаемых им результатов. Однако они имеют также символическое выражение в словах, мимике, жестах. Это позволяет людям легко идентифицировать типы ситуаций, в которых они оказываются, выполнять действия, соответствующие характеру ситуаций, оценивать результаты индивидуальной и коллективной активности по специфичным для них критериям.

Однако социокультурная жизнь людей характеризуется ситуациями, не только благоприятными с точки зрения адаптированности в сложном и динамическом окружении. Люди периодически оказываются в порождаемых ими самими обстоятельствах, которые требуют затраты специальных усилий на то, чтобы справиться с ними или изменить привычные паттерны поведения и отношений друг с другом.

Такие ситуации поддаются категоризации на основании характерных для них обобщающих показателей:

- *вредоносность* как показатель характера ситуации предполагает, что взаимодействие в ее рамках ухудшает положение дел для всех или для большинства участников. Речь идет о том, что в подобных обстоятельствах люди совместно несут потери или одни из них завоевывают и удерживают более выгодные позиции, позволяющие им самоутверждаться за счет других;
- *опасность* как специфичная черта такой ситуации. Это подразумевает, что взаимодействие чревато риском для всех или большинства участников. Такие ситуации несут в себе угрозу их благополучию, ресурсам, социальной позиции. Более того, чем интенсивнее будет взаимодействие, тем более разрушительными окажутся его индивидуальные или коллективные последствия;
- взаимное недоверие характерно для такого рода ситуаций – люди подозревают друг друга в злом умысле, в готовности каждого нанести другому ущерб.

Присутствие всех этих показателей характеризует ситуации с такими чертами взаимодействия как дезадаптивные, а их воспроизведение позволяет выделить в социокультурном пространстве зоны неблагополучия.

В то же время они определяются не только полным, но и частичным набором выделенных показателей. Так, опасность в сочетании с недоверием окрашивает пространство взаимодействия тонами настороженности. Участники воспринимают действия друг друга как несущие угрозу им лично или общему делу. В этом случае опасность связывает активность людей, обычно конструктивного, поискового характера. Недоверие в свою очередь дистанцирует участников друг от друга и мешает координации их усилий и ресурсов для достижения взаимоприемлемых результатов. Иными словами, взаимодействие в таком контексте усугубляет ситуацию, которая изначально была неблагоприятной.

Недоверие в сочетании с вредом обуславливает осторожность как общую характеристику ситуации. Участники проявляют неуверенность в действиях и нерешительность в случаях, требующих однозначного выбора и координированной активности. При этом отчетливо обозначается тенденция к избежанию серьезных коллективных решений и вообще всякого рода совместности. Дистанции между людьми увеличиваются, и им оказывается все труднее объединить усилия и ресурсы. Недоверие в таких ситуациях отдаляет людей друг от друга, делает их более закрытыми в отношении консолидации усилий и обмена ресурсами. Угроза вреда побуждает людей воздерживаться от решений и действий, опасаться друг друга, любых проявлений активности.

Опасность в сочетании с вредом делают ситуацию вызывающей страх. Это означает, что люди впадают в состояние паники и становятся неспособными к рациональным конструктивным действиям. Ситуация атомизируется, контакты между людьми становятся беспорядочными. Совместная активность дезорганизуется. Опасность вызывает у участников стремление к избежанию друг друга как потенциальных источников угрозы. Вред начинает рассматриваться как ожидаемый результат любого активного действия. Такого рода ситуации можно рассматривать как предельный случай взаимодействия, где возможность организовать совместную активность приближается к нулю.

Таким образом, в социокультурном пространстве можно выделить зону, где социальные взаимодействия воспроизводят ситуации дезадаптации или низкого уровня адаптированности. Несмотря на наличие типичных ситуаций и образцов успешной совместной активности, области неудач и дезорганизации продолжают и в дальнейшем существовать по целому ряду причин. Это и стремление к индивидуальному самоутверждению за счет других, и попытки получить больше благ при недостаточных возможностях, и т. п. Неудачные результаты взаимодействия в таких ситуациях фиксируются и их участниками, и внешними наблюдателями. Но сами ситуации также обретают в культуре символическое выражение и категоризируются в разных обществах с различной степенью дифференцированности.

Картина была бы неполной без выделения еще одного класса ситуаций социального взаимодействия, где люди оказываются в нейтральной позиции в отношении активной адаптации в окружении. Такого рода ситуации неодинаковы по происхождению: они возникают при появлении социокультурных инноваций, которые кем-то освоены, а кем-то еще нет; другие – в условия структурных изменений; какие-то связаны с вхождением молодых поколений во взрослую жизнь, а какие-то – с достижением

пенсионного возраста и т. п. В этих случаях речь идет об альтернативе – придерживаться ли сложившихся паттернов социальных отношений, либо начать как-то переопределять ситуацию в связи с изменившимися внешними обстоятельствами.

Такого рода ситуацию можно представить характерными для нее измерениями, определяющими характер взаимодействия в ее рамках. Ее неопределенность связана с тем, что люди, оказавшиеся в подобных обстоятельствах, заранее не представляют себе степень риска ни от следования привычкам, ни от освоения инноваций. Ситуация отмечена сомнениями, т. е. отсутствием априорного решения относительно выбора стратегии взаимодействия. Соответственно здесь может проявляться так называемое полевое поведение, или случайные реакции на случайные ситуации. Наконец, ее специфичной чертой является бесполезность, определяемая тем, что результаты взаимодействия не снимают неопределенности и не меняют положения дел для участников. Кому-то полевое поведение приносит случайный успех, а кому-то сиюминутную неудачу. Но в перспективе и то, и другое нивелируется, и в целом взаимодействие напоминает игру с нулевой суммой.

Неполные наборы измерений в ситуации столь же безрезультатны в адаптационном отношении. Например, неопределенность в сочетании с бесполезностью порождает равнодушие. В этом случае люди не испытывают интереса к объединению для совместного достижения общих целей. Попадая в такие обстоятельства, они взаимодействуют, но всего лишь соблюдая общепринятую внешнюю форму отношений и не заботясь об эффективности совместных действий и их эффективности. Т.М. Дридзе называла это псевдо- или квазидеятельностью. Неопределенность здесь, хотя и вызывает естественное чувство тревоги, однако оно подавляется тем, что все участники занимаются этой квази- или псевдодеятельностью и начинают относиться к ней как к «нормальной». Бесполезность подкрепляет такое положение дел и способствует воспроизведению социально неэффективной активности.

Сомнение в сочетании с бесполезностью предполагает отказ, т. е. обдуманное неучастие в ситуации, бездействие с точки зрения ее поддержания или изменения, либо постепенный специально неосознаваемый выход из взаимодействий. Сомнение здесь ослабляет связи между участниками, замедляет течение процесса, превращает его в атмосферное давление. При наличии сомнения ни одно дело не доводится до конца, и договоренности относительно общих намерений и целей оказываются недостижимыми из-за постоянной взаимной критики и общего недовольства. Бесполезность совместной активности предполагает нарастание неудовлетворенности ею, а также постепенную дезинтеграцию процесса и автономизацию участников. Об этой ситуации можно говорить

как о вырожденном взаимодействии, редуцированном к неорганизованным индивидуальным актам.

Неопределенность в сочетании с сомнением могут стать стимулом к совместному определению или переопределению ситуации. Речь идет о поисковой направленности взаимодействия, результаты которой участники используют как основание для оценки адаптационной полезности объединения усилий. В зависимости от содержания оценки принимается решение о целесообразности дальнейшего продолжения совместной активности. Неопределенность в этом случае становится стимулом, побуждающим людей затрачивать усилия на упорядочение ситуации. Сомнения активизирует обмен действиями и информацией между участниками, в ходе которого многообразие предложений и их экспериментальных проверок может в конечном итоге привести к совместному построению взаимоприемлемой адаптационной стратегии.

Ситуации этого класса составляют в пределах социокультурного пространства поле неопределенности, которое не может быть описано в системных терминах. Для него характерны подвижность и текучесть неорганизованных событий, недолговременные сгущения и разряжения социальных напряженностей. Его пределы обусловлены не внутренним строением – оно аморфно, но внешними границами других классов адаптационно целесообразных ситуаций, вытеснивших неопределенность социальных отношений за счет их упорядочения или разрушения. Это пространство вполне распознаваемо людьми по качеству осуществляемой здесь современной активности. В культуре ему соответствует своя категоризация и символизация.

Изучение распределения этих классов ситуаций социального взаимодействия в системе координат социокультурного пространства позволяет выделить в его пределах благополучные, неблагоприятные и неопределенные зоны с точки зрения адаптированности людей в их непосредственном окружении. Каждая из них характеризуется особыми формами интерактивных процессов и, следовательно, каждая отличается специфическими динамическими тенденциями. Так, можно предположить, что зона взаимодействий с адаптационно полезными характеристиками, соответствует тем порождениям совместного существования людей, которые принято называть социальными (социокультурными) системами. В силу их адаптационных качеств они могут быть описаны в терминах установившегося состояния системы с ее гомеостатическими механизмами. Зона неблагоприятия отличается тем, что низкий уровень адаптивных возможностей осуществляемых здесь взаимодействий делает ее подвижной и нестабильной. Если и представлять ее с позиции общей теории систем, то следует говорить о стадиях либо начального формирования, либо кризиса и распада. Здесь

нужен теоретический язык, позволяющий представить процессы социокультурного взаимодействия разной формы. В зоне неопределенности преобладают неупорядоченные события, случайные контакты, ризомные процессы. К ней системная терминология практически неприменима, и для ее анализа нужны иные концептуальные рамки – нечто подобное теории поля.

Динамические тенденции можно в самом общем виде представить следующим образом. Зона благополучия на начальных стадиях формирования отличается высокой скоростью развития и экспансии и, установившись, приходит в состояние динамического равновесия. Неблагополучная зона характеризуется ярко выраженной повышенной изменчивостью, социальные последствия которой определяются соотношением конструктивных и деструктивных ориентаций. Зона неопределенности представляет собой совокупность несистематизированных микродинамических, дискретных, недолговременных процессов, которые оказывают влияние на социокультурные взаимодействия первого и второго рода, но его характер не изучен из-за полного отсутствия внимания к этой предметной области. Если исследовательская задача состоит в выявлении генеральной тенденции социокультурной динамики и прогнозировании распределения обуславливающих ее социальных сил, то необходимо выявить в обществе соотношение этих зон по количеству сосредоточенных в них ресурсов, в первую очередь человеческих, и осуществить векторное сложение реализуемых в их рамках тенденций.

Механизмы и движущие силы процессов взаимодействия

Социальное взаимодействие представляет собой процесс, для поддержания которого необходимо постоянное приложение усилий участников, даже если речь идет о реализации хорошо заученных, привычных паттернов. Эти усилия делятся между двумя его основными составляющими: совместное движение к цели или результатам и поддержание необходимых для этого отношений. Чтобы понять, каким образом осуществляется процесс, необходимо определить его движущие силы.

Ход взаимодействия существенным образом зависит от того, каким образом распределены составляющие его действия. Причем, распределение может иметь разные формы. Так, в ситуациях, где достижение цели предполагает выполнение одной функции (например, разработка угольной шахты, перепечатка текста, кордебалет и т. п.) и оно непосильно для одного человека, для ее реализации собирается группа людей. В этом случае все они совершают однородные действия, которые имеют одинаковую или противоположную направленность. Делая одно и то же, люди придают процессу взаимодействия силу, необходимую для преодоления сопротивления материала,

преобразование которого в определенный продукт составляет цель совместной активности. Ее социальная составляющая определяется, во-первых, синхронизацией действий участников и, во-вторых, их ориентацией на взаимность, т. е. на объединение усилий и на то, чтобы не мешать друг другу в достижении общей цели. Результативность взаимодействия такого типа определяется как алгебраическая сумма составляющих его сил. Причем, носители этих сил в функциональном отношении полностью взаимозаменяемы.

Другая форма распределения действий соответствует ситуации, в рамках которой достижение цели возможно только при условии, что они разнородны, но однонаправлены. В этом случае каждый из участников выполняет предписанные функции таким образом, чтобы вовремя внести свой частичный вклад в достижение общих результатов. Действия должны быть скоординированы по горизонтали – подготовка отдельных элементов, необходимых для изготовления конечного продукта и по вертикали – последовательное объединение элементов в части общей конструкции, а затем – в конечную целостность.

Социальное измерение, соответствующее такой форме взаимодействия, предполагает:

- компетентность участников, которые должны владеть знаниями и навыками, необходимыми не только для выполнения собственных функций, но и для координации своих действий с действиями других;
- поддержание определенного соотношения интегрированности участников в группу к их автономности, необходимого как для реализации индивидуальных интересов, так и для продолжения социального взаимодействия;
- ориентацию участников на взаимную дополняемость, т. е. на ограничение своих побуждений и действий таким образом, чтобы не мешать реализации функций других к общему целедостижению.

Результативность взаимодействия в этом случае оценивается как интегральная сумма сил, поддерживающих его. С точки зрения выполняемых функций участники не взаимозаменяемы.

Еще одна форма распределения действий в контексте совместной активности людей характеризуется тем, что, будучи сами по себе разнородными, они к тому же оказываются разнонаправленными. Их ориентированность на достижение сходных целей является в этом случае простой случайностью. К такому типу взаимодействия не применимо понятие интенциональности. Его участники не заботятся о том, насколько их активность мешает самореализации других. Соответственно и получение внешней

поддержки, и помеха для каждого из них случайны и непредсказуемы. Этот случай можно уподобить тому, что в физике называют слабыми взаимодействиями. Пространство их реализации ближе к понятию поля, чем системы. Оно определяется общими социокультурными факторами, поскольку какие бы то ни было общие цели здесь отсутствуют. Социальное измерение также может быть представлено лишь в общих социокультурных терминах: при отсутствии реальной группы, объединенной общими интересами или целями, люди, взаимодействующие случайным образом, не имеют стимулов — кроме общесоциальных результатов институциональной социализации — считаться с желаниями и целями тех, с кем им приходится вступать в контакт. Результативность взаимодействия этого типа измеряется как векторная сумма составляющих его сил. Поскольку ему не свойственна интенциональность, конфигурация участников постоянно меняется нерегулярным образом, и поэтому вопрос об их взаимозаменяемости не имеет смысла.

В каждом случае результат суммирования действий участников сам по себе ни о чем не свидетельствует. Он приобретает значение лишь в контексте того, помогают, мешают или нейтральны эти результаты в соотношении с задачами:

- адаптации людей в меняющемся окружении;
- поддержания имеющейся ситуации, формы отношений, структуры связей между людьми в ее рамках;
- изменения ситуации.

Важной категорией социальных сил, определяющих интеракционные процессы, следует считать распределение ресурсов, обеспечивающих их ход. Оно может осуществляться в нескольких формах: в зависимости от приоритетности размещения по отношению к динамике ситуации или социальной системы. Здесь можно выделить следующие ориентации:

- *на поддержание социальной целостности*: в этом случае основные ресурсы вкладываются в воспроизведение существующих паттернов взаимодействия и в корректировку того, что расценивается большинством участников как отклонения от конвенционально установленных норм; взаимодействие характеризуется добровольным подчинением нормам;
- *на удовлетворение индивидуальных или групповых интересов*: приоритет в распределении ресурсов отдается таким формам взаимодействия, которые отдельные индивиды или группы могут использовать в своих специфических целях. При этом подавляются активные попытки укрепить социальную целостность: слабый нормативный контекст представляет собой

наиболее благоприятную среду для реализации частных интересов тех участников, которые располагают значительным объемом ресурсов. В свою очередь у них появляется возможность по собственному усмотрению манипулировать теми, чьи ресурсы незначительны; взаимодействие принимает форму, сходную с эксплуатацией;

- *на компромисс между реализацией индивидуальных интересов и поддержанием социальной системы.* Этой ориентации соответствует динамическая форма перераспределения ресурсов в зависимости от того, что в текущей ситуации важнее для продолжения взаимодействия – интересы индивидов или укрепление сообщества. Процесс основывается на переговорной стратегии.

Распределение ресурсов представляет собой важную движущую силу процесса взаимодействия. Оно во многом обуславливает определение ситуации с точки зрения ее структуры, а также направленность и вариант культурного содержания процесса. В то же время социальная эффективность совместной активности людей не находится в прямой зависимости от распределения ресурсов. Во-первых, участники могут ошибиться в определении приоритетов. В результате их использование может либо тормозить решение проблемы, ради которой люди объединились, либо приближать кризис системы, которая составляет социокультурный контекст их существования. Во-вторых, они могут неразумно распорядиться имеющимися ресурсами. Соответственно действительность совместной активности может снизиться настолько, что целедостижение станет невозможным. С другой стороны, рациональное распределение даже относительно ограниченных ресурсов может обеспечить эффективность взаимодействия, в том числе в отношении изыскания дополнительных их источников.

Наконец, важную движущую силу социального взаимодействия составляет обмен ресурсами между участниками, от характера которого зависит действенность совместной активности людей в рамках определенной ситуации. Так, возможно объединение ресурсов, когда участники вкладывают их во взаимодействие, получая либо непосредственную, либо отсроченную выгоду. Однако в любом случае таким объединением они оказывают поддержку друг другу и способствуют продолжению процесса. Следует также выделить эквивалентный обмен. В этом случае участники, вкладывая ресурсы в совместную активность, получают друг от друга удовлетворяющие их выгоды. Такой тип обмена поддерживает взаимодействие, поскольку в его ходе каждый компенсирует собственные затраты получаемыми от других выгодами. Возможен также неэквивалентный обмен. Его реализация предполагает, что одна часть участников,

вкладывая свои ресурсы, получает от других лишь частичные выгоды. Эти выгоды не компенсируют их затрат и не приносят удовлетворения от участия в ситуации. Если есть возможность отказаться от него, то недовольная сторона прерывает отношения, ослабляя тем самым ресурсную сторону взаимодействия. Когда участие вынуждено, люди продолжают отдавать больше, чем получать, но эффективность их действий снижается, ухудшая при этом качество взаимодействия и его результатов. Наконец, предельный тип обмена ресурсами составляет эксплуатация. Суть ее состоит в том, что одна часть участников принуждает другую вкладывать в ситуацию ресурсы, не давая ничего взамен. Этот тип отношений характеризуется высокой степенью напряженности, эксплуатируемый из-за постоянной неудовлетворенности своим положением испытывает чувство враждебности к тому, кто его эксплуатирует. Эксплуататор в свою очередь вынужден постоянно следить за тем, чтобы вторая сторона продолжала участвовать во взаимодействии, и требовать от нее высокой эффективности. Не получая желаемого, он также проявляет недовольство. Совершенно очевидно, что действительность совместной активности такого рода не может быть высокой.

В данном случае речь шла только о внутренних движущих силах интеракционного процесса. Внешние воздействия можно отнести к социокультурному контексту, в котором реализуется процесс и который следует представлять специально. Данные факторы можно считать необходимыми, поскольку они относятся к фундаментальным детерминантам взаимодействия – участникам и их ресурсам. О них можно говорить как о достаточных, так как во внимание принимается не только распределение ролей и ресурсов, соответствующих процессу, но и характер осуществляемых в его рамках обменов.

Модель интеракционного процесса была бы неполной без рассмотрения механизмов, действие которых обеспечивает ход процесса. В самом общем виде следует рассмотреть, от чего зависит поддержание, приостановка и окончание взаимодействия. К механизмам поддержания взаимодействия можно отнести:

- взаимную выгоду, которую люди получают от участия в интеракции: она становится для людей стимулом, побуждающим их оставаться в рамках ситуации;
- привычку воспроизводить стандартные действия в хорошо знакомом окружении; инерция всегда была и остается важным фактором воспроизведения любой формы социальных отношений;
- принуждение, которому одна сторона взаимодействия подвергается со стороны другой. Этот механизм работает до тех пор, пока у принуждающей

стороны имеются достаточные ресурсы, однако и после их исчерпания процесс может продолжаться по инерции.

Механизмы приостановления взаимодействия важно выделить, так как невнимание к ним нередко приводит к неверному диагнозу хода взаимодействия. Так, естественное ослабление его интенсивности может рассматриваться как неудача, а негативное внешнее воздействие как ухудшение отношений между участниками. И то, и другое может привести к преждевременному завершению процесса, который мог бы продолжаться вполне успешно. В данном случае следует отметить действие таких механизмов, как:

- временная недостаточность ресурсов: при таких обстоятельствах взаимодействие прерывается до тех пор, пока участники не смогут кумулировать достаточный запас ресурсов либо найти новые источники, чтобы возобновлять совместную активность;
- рассогласование интересов при возможности найти компромисс: участники приостанавливают взаимодействие в отношении его генеральной цели; представители различных интересов вступают в переговоры по поводу тех общих характеристик ситуации, вокруг которых имеет смысл продолжать совместную активность;
- влияние внешних обстоятельств: взаимодействие прерывается из-за событий или давления внешнего окружения. Это могут быть сильные противники, которые по каким-то причинам стремятся расформировать группу участников либо внешние чрезвычайные обстоятельства, мешающие продолжению совместной активности; либо бесполезность для окружения результатов взаимодействия, за счет которых должны возобновляться его ресурсы;
- «естественная» ритмика контактов между участниками: взаимодействие по своему характеру периодически, и интенсивная совместная активность участников сменяется периодом отсутствия контактов между ними, после чего они возобновляются. Предполагается, что само существование группы базируется на такой периодичности.

Наконец, следует обратить внимание на механизмы окончания взаимодействия. Они значимы для изучения процесса, поскольку важно знать, каким образом процесс заканчивается и каковы признаки его полного завершения. К таким механизмам можно отнести:

- достижение общей цели и отсутствие необходимости дальнейших контактов между участниками. В этом случае каждый из них получает то, ради чего

вступает во взаимодействие, и дальнейшее объединение становится бесполезным;

- разрушение отношений между участниками взаимодействия из-за внутренней дезорганизации (речь идет о расхождении интересов настолько значительных, что их примирение оказывается невозможным; в результате контакты между участниками прекращаются);
- разрушение ситуации взаимодействия извне: в этом случае давление внешних сил оказывается настолько сильным, что участники его не могут сопротивляться и вынуждены прекратить совместную активность;
- решение проблемы, для которой объединились участники, осуществлено внешними силами; в этом случае продолжение взаимодействия становится нецелесообразным;
- утрата функциональной необходимости взаимодействия; когда участники начинают осознавать, что совместная активность не приносит пользы ни им, ни окружению, происходит постепенная деконструкция группы.

Все сказанное может быть сведено к ряду обобщающих позиций:

- поддержание или изменение отношений людей с окружением определяется социальным взаимодействием, его последствиями, имеющими интерсубъективное значение. Для объяснения этих явлений обращение к индивидуальным актам или только к процессам коммуникации оказалось бесперспективным;
- процессы и результаты социального взаимодействия в таком случае следует аналитически отделить от оперирования вещами и коммуникативных процессов, т. е. обменов символами;
- представляется возможным построить предметную область изучения социального взаимодействия, исходя из понятия «социальность», а не «индивидуальность». В этом случае единицей анализа перестает быть интенциональное действие и становится ситуация взаимодействия, обусловленная необходимостью адаптации людей в окружении, решения социально значимых проблем, социализации и инкультурации. Все эти процессы возможны только в ходе непосредственной или опосредованной совместной активности.

Таковы исходные теоретические основания для построения аналитического пространства изучения социокультурного взаимодействия с выделением его форм, качественной определенности, способов структурирования и динамических механизмов.